

Народы и пространства

«Областничество крепко засело в Вятке»: региональные конфликты и революционная законность в 1919 г.

Анастасия Позднякова

«*Oblastnichestvo is firmly entrenched in Vyatka*»:
regional conflicts and the revolutionary legality in 1919

Anastasia Pozdnyakova

(Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named
after K.A. Timiryazev)

DOI: 10.31857/S2949124X24060152, EDN: RLLYET

Революция 1917 г. и Гражданская война в России вызвали серьёзные миграционные потоки. Кто-то уезжал из страны навсегда, другие меняли место жительства, убегая от большевиков или белогвардейцев, третьи переезжали в другие регионы по служебной необходимости или же, напротив, лишившись привычных занятий, искали источник постоянного дохода. Оставленные противнику белыми или красными города покидали служащие, опасавшиеся репрессий со стороны новых властей. В частности, занятие белыми Урала привело в августе и декабре 1918 г. к двум волнам переселения в Вятку членов РКП(б) и сотрудников Уральской областной ЧК.

К началу 1919 г. в городе собралось немало видных партийцев и чекистов, что порождало конфликты самого разного толка, отражавшие особенности становления большевистской диктатуры на Севере России. В советской историографии в приезде уральцев усматривалось исключительно усиление слабой вятской партийной ячейки¹, которой требовалось пройти своего рода «школу» у более опытных товарищей. Не упоминал о возникавших при этом трениях и В.И. Бакулин, много писавший в конце XX – начале XXI в. о положении Вятской губ. в годы Гражданской войны и воспринимавший уральцев как организационную силу, способную остановить наступление А.В. Колчака². Ю.Н. Тимкин указал на ряд конфликтных ситуаций 1918 г., но осветил их лишь фрагментарно³. Сравнительно редко исследовались эти сюжеты и в последующие годы⁴. Чем

© 2024 г. А.С. Позднякова

¹ Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Сборник статей и материалов. Вятка, 1927; Урал в годы Гражданской войны (1918–1920). Сборник научных трудов. Свердловск, 1986.

² Бакулин В.И. Деятельность Вятской ГубЧК в «красном» тылу Восточного фронта (1918 – середина 1919 г.) // Листая историю страницы: Вятский край и вся Россия в ХХ веке. Киров, 2006. С. 69–79; Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008; Бакулин В.И. Организация тыла в прифронтовой полосе: Вятская губерния зимой–летом 1919 г. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 147–159.

³ Тимкин Ю.Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия в 1918–1920 гг. // Из истории вятских спецслужб. Киров, 1997. С. 63–76.

⁴ См., в частности: Позднякова А.С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров, 2018; Измозик В.С. Интересное исследование регионального аспекта истории Гражданской войны (Рец. на кн.: Позднякова А.С. Вятская губерния в годы Граждан-

же объяснялись многочисленные внутрипартийные споры и склоки⁵ в губернии в 1918–1919 гг.?

Характерно, что среди наиболее конфликтных работников выделялись прежде всего уральские чекисты, причастные к убийству царской семьи. Одним из первых уральцев, прибывших в Вятку после занятия Екатеринбурга белогвардейцами, оказался Михаил Александрович Медведев-Кудрин (1891–1964), примкнувший к большевикам ещё в 1912 г. С июня 1918 г. он входил в коллегию Уральской областной ЧК, а в начале июля был направлен во внутреннюю охрану «Дома особого назначения» в Екатеринбурге. В ночь на 17 июля Медведев непосредственно участвовал в расстреле Романовых и тех, кто разделял с ними заключение. В том же месяце его эвакуировали в Вятку, где он претендовал на единоличную власть в губернии и вступил в борьбу с только что созданным Чрезвычайным военно-революционным штабом. В противостояние пришлось вмешаться представителям ВЧК и Уральской областной ЧК⁶. На поведение уральца жаловались в Москву, и в августе председатель ВЦИК Я.М. Свердлов телеграфировал в Вятку: «Товарищ Медведев оказался крайне нетактичным, создавшим ряд конфликтов с вятскими товарищами, приведших к невозможности с ним работать. Его необходимо оттуда убрать в интересах работы»⁷. Но тогда же Вятскую губернскую ЧК расформировали, в городе начала работу Уральская областная ЧК. Получив неограниченную власть в Вятке, она приступила к реализации декрета о красном терроре. В дни расправы над местной «буржуазией и её наймитами» Медведев состоял членом коллегии (помощником заведующего по борьбе с контрреволюцией), а с декабря 1918 г. по январь 1919 г. – председателем воссозданной Вятской губернской ЧК.

В условиях Гражданской войны чекисты постепенно заняли, независимое от местных советов и их исполнкомов положение, став, по сути, «государством в государстве». Их безнаказанность способствовала эскалации террора, что вызывало озабоченность в других органах власти⁸. Зимой 1918–1919 гг. в Вятке случился серьёзный конфликт между Медведевым и заведующим отделом

ской войны: чрезвычайные органы власти) // Социогуманитарные коммуникации. 2024. № 2(8). С. 136–141; Пученков А.С. Рождённые революцией // Известия лаборатории древних технологий. Т. 20. 2024. № 1(50). С. 176–179.

⁵ Слоками тогда называли конфликты между коммунистами, не имевшие идеологического содержания. См.: Шабалин В.В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. 2013. № 2(22). С. 159–166.

⁶ Тимкин Ю.Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия... С. 68.

⁷ ВЧК. Главные документы истории / Сост. В. Долматов. М., 2017. С. 184.

⁸ Подобные ситуации возникали в разных регионах страны. К примеру, острые разногласия вспыхивали между ВЧК и Московским губернским исполнительным комитетом (*Вайтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны*. М., 2016. С. 223–226). При этом лишь после повсеместного создания чрезвычайных комиссий, существовавших наряду с центральной, можно говорить о том, что ВЧК «реально становилась всероссийским чрезвычайным органом» (*Ратьковский И.С. Красный террор в 1918 году*. СПб., 2006. С. 63, 66). Как отмечает Ратьковский, в период красного террора осенью 1918 г. контроль партийных органов над ЧК усилился, резко возросло количество чекистов-коммунистов, и «тем самым террор приобретал партийный характер, и его направленность и масштабы в значительной степени определяло местное коммунистическое руководство». Тогда же, по его словам, «постепенно происходит усиление партийного контроля над чрезвычайными комиссиями со стороны советских исполнительных органов власти», а «партийный контроль представлялся важным и самим чекистам» (См.: *Ратьковский И.С. Красный террор...* С. 178–179). Однако свои выводы автор делает преимущественно на основе анализа деятельности Петроградской губернской ЧК, и едва ли они репрезентативны для всей страны.

юстиции губисполкома Иваном Михеевичем Зыряновым (1894–1975), уроженцем Слободского уезда губернии, возглавлявшим Вятскую ЧК летом 1918 г.⁹ В начале декабря чекисты расстреляли десять «врагов трудового народа», среди которых оказались священники, тюремные надзиратели, чины полиции¹⁰. В отделе юстиции сочли, что после того, как в ноябре 1918 г. официально свернули «массовый красный террор», расстрел — слишком суворое наказание при недоказанных обвинениях. К тому же расправу произвели в центре города, казнённых добивали прикладами, их трупы сбросили в реку, а имущество поделили между членами расстрельной команды. Для расследования данного инцидента Зырянов создал при исполнитете контрольно-следственную комиссию, отправив жалобу на действия чекистов в ВЧК, НКВД и НКЮ. Его обращение пришлось весьма кстати, поскольку тогда шла ожесточённая борьба за пересмотр полномочий ВЧК¹¹. Наркомат юстиции постоянно указывал на злоупотребления чрезвычаек, игнорировавших законы. О том же свидетельствовало и произошедшее в Вятке, куда для выяснения ситуации отправились представители НКЮ, НКВД и ВЧК.

Между тем после сдачи Перми в конце декабря Вятку «наводнили» эвакуированные с Урала опытные партийные работники, вставшие на защиту Медведева. Новый заведующий отделом юстиции Н.С. Пятков так же всегда поддерживал уральцев и ЧК. Фактически наблюдалось не столько противостояние между ЧК и юстицией (ревтрибуналом), сколько соперничество между местными и приехавшими с Урала большевиками. Судя по возбуждённым в губернии следственным делам, конфронтация между ними длилась более полугода и привела к серии арестов, усугубляя существовавшее взаимное недоверие между чекистами и ревтрибуналом.

С осени 1918 г. в Уральской губернской ЧК велось дело И.А. Сизова, который 18 октября «случайно выпил спирту» с агентом ЧК Гробовским и сообщил ему о том, что застрял в Вятке, возвращаясь в Москву из Нытвы, откуда вёз золотые вещи и револьверы некоего Воробьёва. Узнав об этом от Гробовского, другой агент ЧК — М.Б. Юнговский предложил Сизову продать револьверы, но тот отказался, сославшись на то, что «в Москве они стоят дороже»¹². Тогда в ноябре 1918 г. его арестовали, обвинив в спекуляции. 10 декабря его допросил В.В. Фортунатов — бывший диакон сельской церкви, 20 лет от роду, сложивший в ноябре сан и ставший следователем губернской ЧК. Согласно протоколу допроса, 60-летний Сизов работал истопником в доме Воробьёва и «продавать вещи не собирался». В заключении по делу Фортунатов констатировал: «Сизов — типичный дворецкий времён крепостного права. Сознание своего ничтожества, вседовольство и уважение перед господами. Он исполнял поручение господина Воробьёва»¹³. Вынести приговор предстояло губернскому

⁹ Подробнее см.: Позднякова А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918–1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катализмов. Материалы II всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск, 2022. С. 186–192.

¹⁰ ГА РФ, ф. Р-1005, оп. 1а, д. 116, л. 233.

¹¹ Подробнее см.: Новосёлов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. № 6. 2005. С. 66–76.

¹² Центральный государственный архив Кировской области (далее — ЦГА КО), ф. Р-1322, оп. 1а, д. 1515, л. 3.

¹³ Там же, л. 8.

революционному трибуналу, но следственная комиссия 19 декабря допросила в качестве свидетеля Юнговского, который показал, что при аресте обнаружил у Сизова золотые вещи и револьверы. Следователь ревтрибунала Е.А. Оше тут же вызвал арестованного, заявившего, что «при обыске в губЧК длинный еврей стал избивать, не предъявляя мне вопроса или обвинения», в результате чего «выбито три зуба». На это обстоятельство следственная комиссия ревтрибунала внимания не обратила, и 23 декабря приняла дело Сизова к своему производству¹⁴. Однако в тот же день она изменила своё решение, освободив Сизова из-под стражи ввиду отсутствия состава преступления¹⁵.

Вероятно, это было связано с работой контрольно-следственной комиссии губисполкома, которая в то время занималась делом Медведева и освидетельствовала избитых чекистами людей. Состояла она как раз из только что назначенного председателя Вятского губернского революционного трибунала И.А. Фарафонова (в прошлом – местный крестьянин¹⁶) и председателя его следственной комиссии Г.Я. Кипста, прибывшего в Вятку из Москвы в августе по решению ЦК РКП(б). На допросах чекисты свою вину отрицали, по словам Медведева, «всё шло обычным порядком»¹⁷. 24 декабря губисполком рекомендовал губкому РКП(б) передать дело в Верховный трибунал при ВЦИК и реорганизовать ЧК, заменив её руководство¹⁸. Однако 3 января Вятский губком, обсудив данную инициативу, не принял никакого решения. В свою очередь чекисты 4 января отправили телеграмму во ВЦИК, критикуя действия исполнкома, наносящие «вред работе при настоящих особо тяжёлых условиях»¹⁹. В тот же день следственная комиссия ревтрибунала вернулась к показаниям Сизова и возобновила допрос свидетелей. Так, работница гостиницы, где он останавливался, сообщила, что «во время уборки после пребывания в номере Сизова она увидела кровь на матраце, на полу, на окне»²⁰.

9 января следственная комиссия ревтрибунала постановила привлечь Юнговского к ответственности за побои Сизова, которого вновь допросили, установив, что агент избил его «в номерах до потери сознания», «по голове бил в ЧК»²¹. Кучер и дворник губернской ЧК вспомнили на допросе, что видели избитого Сизова. 10 января 37-летний коммунист Юнговский, признав себя виновным, заявил: «Бил его в ЧК или нет, не помню, был возбуждённый, было много дел»²². Свои действия он объяснял тем, что Сизов будто бы неоднократно возил имущество бывших хозяев. 17 января с агента взяли подписку о невыезде.

Тем временем, 13 января прибывшая в Вятку из Москвы межведомственная комиссия из представителей ВЧК, НКЮ и НКВД решила арестовать до

¹⁴ Там же, л. 13–15.

¹⁵ Там же, л. 18.

¹⁶ В апреле 1917 г. служивший на Юго-Западном фронте Фарафонов вступил в ряды большевиков и в октябре стал делегатом съезда солдатских депутатов и членом 5-го армейского ревкома. В апреле 1918 г., вернувшись в Вятку, был избран членом губисполкома и комиссаром юстиции, с декабря – председатель ревтрибунала.

¹⁷ ГА РФ, ф. Р-1005, оп. 1а, д. 116, л. 133.

¹⁸ ЦГА КО, ф. Р-875, оп. 1, д. 52, л. 480. См. также: Тимкин Ю.Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия... С. 68.

¹⁹ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 94, д. 270, л. 169.

²⁰ ЦГА КО, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 1515, л. 19.

²¹ Там же, л. 32, 33 об.

²² Там же, л. 34.

окончания следствия 11 сотрудников местной ЧК²³. Но этому помешали председатель Уральского областного исполкома А.Г. Белобородов и его заместитель Г.И. Сафаров. Когда представители комиссии с отрядом солдат пришли в здание ЧК, Белобородов, пользуясь авторитетом старого большевика (с 1907 г.) и председателя Вятского губернского революционного комитета, лично подписал поручительство за чекистов. Впоследствии в своём отчёте представитель Наркомата юстиции И.П. Ройзман отметил: «Белобородов... смотрит на вмешательство центра в местные дела как на покушение на их личные prerогативы. Они считают местные дела “своими делами” и относятся неприязненно к контролю из центра». Члены межведомственной комиссии из вятских учреждений (вероятно, Зырянов и Фарафонов), по словам Ройзмана, «допускают, что могут быть арестованы и даже расстреляны ЧК». Оставалось лишь констатировать, что «не только лояльные по отношению к советской власти граждане, но даже советские служащие и коммунисты не уверены в завтрашнем дне, так как борьба с контрреволюцией в Вятке выражается в сведении личных счётов членов ЧК и его агентов»²⁴. Больше других опасался за жизнь Зырянов. Белобородов убеждал прибывшего 5 января из Глазова в Вятку Ф.Э. Дзержинского, что Иван Михеевич, будучи правым эсером, специально компрометировал ЧК. Дзержинский попытался уговорить Ройзмана закрыть дело Медведева и его подручных, но тот отказался и в конце января доложил о ситуации в Вятке на коллегии НКЮ²⁵.

Медведева в конце января всё же отстранили от работы в ЧК и направили готовить подпольщиков на Пермских заводах. Возбуждённое против него дело прекратили 11 марта после обращения во ВЦИК всего Уральского областного комитета РКП(б). Но и Зырянову пришлось уйти со своего поста, в январе его заменил уралец Пятков, большевик с 1913 г. Однако состав отдела юстиции при губисполкоме остался прежним, а в ревтрибунале, как и раньше, заседали Фарафонов и Кипст.

Между тем с севера на Вятскую губ. наступали интервенты, планировавшие взять Котлас и соединиться с армией Колчака, который 4 марта начал наступление по всей линии Восточного фронта. 18 марта в Москве открылся VIII съезд РКП(б), в котором активное участие принял Белобородов (избранный в конце месяца членом ЦК и Оргбюро). В тот же день Вятский ревтрибунал под председательством Фарафонова, пользуясь отъездом «главного уральца», приговорил Юнговского к лишению свободы и 10 годам общественных работ при Вятском исправительном рабочем доме. Столь суровый приговор для судебной практики тех лет²⁶ трибунал мотивировал тем, что Юнговский дал повод для распространения врагами советской власти ложных слухов о деятельности ЧК²⁷.

«Ответом» стало обвинение Вятской губернской ЧК Зырянова, ставшего к весне помощником управляющего делами совнархоза, в изготовлении поддельных документов и взяточничестве. Первый допрос ему устроили уже

²³ ГА РФ, ф. Р-1005, оп. 1а, д. 116, л. 34.

²⁴ Там же, ф. А-353, оп. 2, д. 441, л. 78 об.

²⁵ Позднякова А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ... С. 190.

²⁶ Подробнее см.: Позднякова А.С. Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. (по материалам Вятского губернского революционного трибунала) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(5). С. 79–84.

²⁷ ЦГА КО, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 1515, л. 71.

20 марта. Основанием для этого послужили бланки с печатью отдела юстиции Вятского губисполкома, обнаруженные ещё в январе у крестьянина Е.А. Иванцова. В следственном деле сохранился документ, подписанный заведующим отделом юстиции Зыряновым, о том, что член следственной комиссии ревтрибунала Иванцов командирован в Уржумский уезд. Согласно другой бумаге член следственной комиссии по общеуголовным делам Иванцов направлялся в Котельнич. Кроме того, имелись и чистые бланки с печатями отдела юстиции. Иванцов на допросах рассказал, что получил их у Ельчугина – бывшего делопроизводителя Зырянова, являвшегося в январе 1919 г. секретарём ревтрибунала. Зырянов настаивал на том, что «не выдавал никаких бумаг Иванцову, его не знаю, документ не мог выдать, поскольку подобные документы выдаёт революционный трибунал»²⁸. Тем не менее после допроса губернская ЧК его арестовала и, учитывая важность и секретность дела, поместила в одиночную камеру в Вятском исправительном рабочем доме²⁹. Оснований для этого не имелось, поскольку в феврале следствие установило, что Иванцов приехал в Вятку в январе 1919 г. ходатайствовать о делах своего друга и обратился за помощью к Ельчугину, которого просил заодно выдать ему бумагу, предоставляющую право на поездки, так как уездные власти подозревали его в спекуляции. «Мы пришли на другой день, – сообщил Иванцов, – и Ельчугин дал мне бланк, что я командирован как член ревтрибунала в Уржум, дал мне 5 чистых [бланков]». По пути в деревню военком, проверявший документы Иванцова, не увидел номера и, заподозрив подлог, арестовал и отправил крестьянина в ЧК³⁰.

Ельчугин на допросе в ЧК отрицал знакомство с Иванцовым и уверял, что «до канцелярии у него доступа не было», и никаких бланков он не выдавал. Секретарь отдела юстиции Васильев показал, что печать хранилась в его столе под замком, но иногда Зырянов, работая ночью, оставлял её у себя³¹. 23 марта Зырянов направил в ЧК заявление о том, что ему «никакого обвинения не предъявлено, да и не может быть предъявлено». При этом он напомнил, что оставил свою прежнюю должность «в связи с конфликтом комиссариата юстиции с губернской ЧК по поводу зверских расстрелов ею граждан Республики». Иван Михеевич просил обратить на это внимание, повторяя: «Арест меня, я заключаю, произведен без всяких оснований»³². Зырянов писал: «Очевидно, имелась в виду другая личная сторона, хотя я не утверждаю, но меня наводит на сомнение именно это обстоятельство, бывшего серьёзного конфликта с губернской чрезвычайной комиссией, иначе я никак не могу представить свой арест. Такое положение подтверждается тем, что меня... поместили в душную одиночную камеру, как самого злейшего преступника». Требуя назначить для расследования комиссию из «следователей специалистов, следователей революционного трибунала», он завершил своё обращение упрёком: «Горько, тяжело и обидно, даже стыдно за товарищей, которые чинят такие поступки по отношению к своим же честным советским работникам»³³.

25 марта на очной ставке с Иванцовым Ельчугин первоначально отрицал вину, но затем признал: «Бланки дал без подписей, не думал, что они имеют

²⁸ Там же, д. 1602, л. 82.

²⁹ Там же, л. 84–85.

³⁰ Там же, л. 74–74 об.

³¹ Там же, л. 87.

³² Там же, л. 114.

³³ Там же, л. 115, 116

силу»³⁴. Также состоялась очная ставка Иванцова и Зырянова, на которой оба подтвердили, что никогда друг друга не видели. После этого Зырянова должны были уже отпустить, но 27 марта его перевели из одиночной камеры в общую³⁵.

В те же дни чекисты пытались добиться освобождения Юнговского. Этот «боец за революцию» (как он сам себя характеризовал) одновременно просился на фронт и жаловался на слабое здоровье³⁶. За него вступился работавший после эвакуации в вятских «Известиях» Ф.Н. Лукоянов, состоявший в РСДРП с 1913 г., в марте 1918 г. возглавлявший Пермский окружной Чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, а затем – Уральскую областную ЧК. «Товарища Юнговского, – утверждал он, – знаю ещё с Перми... Он зарекомендовал себя незаурядным работником. Он получил репутацию незаменимого работника, способного блестяще сделать любую работу. После эвакуации уральской облЧК в Вятку, в комиссии была введена официальная классификация агентов. Товарищ Юнговский был зачислен в агенты первого разряда с высшим окладом и с честью оправдал доверие. Когда его здоровье пошатнулось (туберкулёз, нервность), коллегия ЧК вынуждена была отказать ему в отпуске. Но ни улучшение питания, ни уменьшение работы не могло пресечь развитие болезни (кровохарканье). Он ни разу не пользовался отпуском. Зная т. Юнговского как выдержанного и хладнокровного человека и вежливого, я был страшно удивлён его поведением у Сизова. Страшная болезнь и издёрганность – причины этой случайности. Это не преступление – это проступок. Он не преступник, а большой издёрганный человек, хороший коммунист, принёсший во имя идеи свою жизнь на службе Советской России»³⁷.

29 марта при непосредственном участии Пяткова, также ходатайствовавшего об освобождении Юнговского, состоялось медицинское освидетельствование бывшего агента ЧК, в ходе которого выяснилось, что он «к физическому труду не способен, нуждается в покое, питании, чистом воздухе»³⁸. Во ВЦИК отправили кассационную жалобу³⁹. И в тот же день губернская ЧК освободила Зырянова под подписку поручителей из президиума губсовнархоза⁴⁰. После данного инцидента Иван Михеевич покинул губернию и в 1920 г. перешёл в систему военной юстиции⁴¹. Ельчугина осудили на 10 лет лишения свободы в Вятском исправительном рабочем доме, но уже

³⁴ Там же, л. 92–93.

³⁵ Там же, л. 107–108.

³⁶ Там же, д. 1505, л. 80.

³⁷ Там же, л. 82–82 об.

³⁸ Там же, л. 92.

³⁹ Рассмотрев её, Кассационный трибунал ВЦИК пришёл к выводу, что оснований для кассации нет и следует «приговор оставить в силе». Соответствующее постановление подписал Н.В. Крыленко (Там же, л. 99).

⁴⁰ Там же, л. 120.

⁴¹ Окончив юридическую школу и институт Красной профессуры, он уже в январе 1923 г. (и с ноября 1941 по январь 1942 г.) председательствовал в военном трибунале Приволжского военного округа, в 1936–1938 и 1945–1954 гг. состоял членом Военной коллегии Верховного суда СССР, с апреля 1942 по август 1945 г. являлся начальником Военно-юридической академии Красной армии, а в 1945–1954 гг. возглавлял Отдел военных трибуналов войск МВД Военной коллегии Верховного суда СССР. Ему довелось побывать судьёй на Токийском процессе над японскими военными преступниками, но в июне 1955 г. его лишили генеральского звания и исключили из партии «за допущение и грубое нарушение социалистической законности во время работы в Военной коллегии Верховного суда СССР».

в октябре условно-досрочно освободили⁴². Экспертиза установила, что он подделал подпись Зырянова⁴³.

В апреле 1919 г. ситуация на Восточном фронте продолжала обостряться. 7 апреля Колчак взял Песковский завод, в 200 км от Вятки, куда 3 апреля прибыл В.К. Блюхер, которому предстояло возглавить Вятско-Слободской укреплённый район. Началась эвакуация партийных и советских учреждений из губернского города. Блюхер освободил из Вятского исправительного рабочего дома многих коммунистов, включая Юнговского⁴⁴.

Однако наступление Колчака на Вятку не остановило череду конфликтов, главным зачинщиком которых теперь стал Пятков. На заседании пленума губисполкома 23 апреля он потребовал реорганизовать работу местного ревтрибунала, поскольку «самого председателя в Вятке нет, он работает в Слободском по эвакуации, не уведомив отдел юстиции, куда и зачем его командируют»⁴⁵. Пятков добился смещения Фарафонова, спешно уехавшего на фронт, и утверждения нового состава коллегии трибунала. Теперь там заседали «уральцы» с опытом работы в ЧК – бывший заместитель Пяткова Н.П. Сушков (член РСДРП с 1908 г.) и Р.К. Лепсис.

Из бывших сослуживцев Зырянова на своей должности оставался лишь его заместитель И.А. Чернышёв, заведовавший карательным отделом. Именно он отвечал за пенитенциарную систему в губернии и инициировал расследование дела Медведева. После устраниния Фарафонова Пятков «принялся» за Чернышёва и без согласования с ним назначил Т.В. Кобелева заместителем начальника в Вятский исправительный рабочий дом. Неудивительно, что тот, как впоследствии выразился Чернышёв, «игнорировал» и его, и своё непосредственное начальство⁴⁶. А Чернышёв начал собирать жалобы осуждённых. И уже 4 мая в Вятскую губернскую ЧК поступил донос от коммунистов, заключённых в камере № 12: «По распространившимся слухам по тюрьме товарищ Кобелев взял одну женщину из заключённых и с ней пошёл в баню, где держал около 4 часов»⁴⁷. 9 мая Кобелева арестовали по подозрению в превышении должностных полномочий из-за любовной связи со шпионкой Л.П. Аспиринской⁴⁸. Выступая свидетелем, Чернышёв охотно дал показания: «Назначение Кобелева было неожиданностью, он не подходит для этой должности, не знаком с тюремным делом, не грамотен. Но это было решение от партии. Сразу же посыпалось недовольства, особенно от сидевших коммунистов»⁴⁹. Затем на совещании с представителями делегации ВЦИК и ЦК РКП(б) во главе с уполномоченным Ю.М. Стекловым Чернышёв заявил о бездеятельности следственного аппарата Особого отдела, после чего 19 мая чекисты арестовали его как бывшего земского начальника и черносотенца, подозреваемого в сочувствии к контрреволюции. На допросах Чернышёв утверждал, что его арест – дело рук следователя Особого отдела ВЧК З.Б. Кацнельсона и Пяткова, который сумел освободить Кобелева.

⁴² ЦГА КО, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 1602, л. 24.

⁴³ Там же, л. 183.

⁴⁴ Там же, д. 1505, л. 102.

⁴⁵ Там же, ф. Р-875, оп. 1, д. 56, л. 116.

⁴⁶ Там же, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 917, л. 62.

⁴⁷ Там же, л. 1.

⁴⁸ Позднякова А.С. Дело «белогвардейской шпионки» Лидофирии Аспиринской: по материалам Вятской ГубЧК // Новейшая история России. 2024. № 2. С. 307–320.

⁴⁹ ЦГА КО, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 917, л. 62 об.

22 мая Чернышёв обратился с жалобой к Стеклову, который ещё находился в Вятке: «С момента взятия Перми и эвакуации в г. Вятку советских работников начала применяться политика выживания прежних работников с их мест. Губернскому отделу юстиции тоже пришлось сделаться жертвой интриг. Уход бывшего заведующего отделом юстиции тов. Зырянова был вынужденный. Зырянов заявил, что больше служить не может, так как против него начинается травля областников». Сменивший его Пятков будто бы угрожал Чернышёву расстрелом, советовал оставить должность, желая поставить «своего человека». Чернышёв утверждал, что «областничество крепко засело в Вятке и упорно придерживается порядка вести дело так, как ему хочется, а не так, как требуют интересы дела и разума»⁵⁰.

Стеклов вступился за Чернышёва, и того выпустили на свободу, однако вскоре ревтрибунал возбудил против него новое дело. Не обнаружив никаких улик, следствие передало его в Москву, так как им заинтересовался Дзержинский. Со своей стороны, Чернышёв просил разобраться в ситуации председателя ВЦИК М.И. Калинина и наркома юстиции Д.И. Курского⁵¹. В результате в конце июля дело закрыли, но Чернышёв остался в Москве и уже не вернулся в Вятку. Тогда же покинул её и Пятков.

После освобождения от белых Перми, а затем и всего Урала уральцы стали постепенно возвращаться домой, и летом 1919 г. в Вятке разразился невиданный «кадровый голод».

Так или иначе, нельзя не отметить, что в период весеннего наступления Колчака объединения коммунистов в тылу Восточного фронта не наблюдалось. Уральцы пренебрежительно относились к местным кадрам из вчерашних крестьян (как Фарафонов и Зырянов), не имевших политического опыта и партийного стажа. Сами же уральцы, особенно после июльских событий 1918 г., ощущали себя силой, способной игнорировать указания не только вятских советских и партийных работников, но и столичных инстанций. В мае 1919 г. Пятков открыто заявлял, что «Центр это одно, а власть на местах – это другое»⁵². Неудивительно, что, контролируя ВЧК, они не останавливались перед нарушением закона. На это, в частности, обратил внимание уполномоченный ВЦИК и РКП(б) Стеклов. Выступая в июне 1919 г. на объединённом заседании представителей советских органов в Вятке, он риторически спрашивал у слушателей: «Кто из вас не знает о том терроре, который существует у вас в Вятской губернии? Метод революционного действия вполне совместим с революционной законностью. До тех пор, пока мы не установим революционной законности, мы не можем проводить задач советской власти»⁵³. Вместе с тем конфликты между уральскими и вятскими большевиками выявили отсутствие у них административного опыта и культуры управления, слабое взаимодействие между структурами разных ведомств, произвол и насилие при решении возникавших проблем. Совокупность этих факторов отнюдь не укрепляла положение нового режима и не способствовала его популярности в стране, что, впрочем, не помешало ему победить.

⁵⁰ ГА РФ, ф. Р-1240, оп. 1, д. 125, л. 1 об.–2.

⁵¹ Там же, ф. Р-1235, оп. 94, д. 268, л. 352.

⁵² Там же, ф. Р-1240, оп. 1, д. 125, л. 3.

⁵³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 5, д. 17, л. 21.